

Предисловие

Новое поколение читателей Хемингуэя (есть надежда, что потерянного поколения здесь никогда не будет) имеет возможность прочесть опубликованный текст, который является менее препарированным и более полным вариантом оригинального рукописного материала, задуманного автором как воспоминания о парижских годах, когда он был молодым формировавшимся писателем, — об одном из счастливейших переходящих праздников.

Издавна сложилось так, что важные литературные произведения публиковались в разных вариантах. Возьмем, например, Библию. Я был воспитан в римско-католической религии моей бабкой по матери Мэри Дауни, родившейся в графстве Корк, и в молодые годы слышал, как Библию читали на воскресных службах и в праздники — и сам читал ее — римско-католическую Библию Дуайт-Реймс, которая отличается от Библии

короля Якова и текстуально ближе к латинской Вульгате.

Сравните два первые стиха:

DRV:

1. In the beginning God created the heaven and the earth.

2. And the earth was without form, and void; and darkness was upon the face of the deep. And the Spirit of God moved upon the face of the waters*.

KJV:

1. In the beginning God created the heaven and the earth.

2. And the earth was void and empty, and darkness was upon the face of the deep; and the Spirit of God moved over the waters**.

LVV:

1. in principa creavit deus caelum et terram.

2. terra autem erat inanis et vacua et tenebrae super faciem abyssi et spiritus dei ferebatur super aquas***.

* 1. В начале сотворил Бог небо и землю.

2. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился *по воде*.

** 1. В начале сотворил Бог небо и землю.

2. Земля же была пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился *над водою*.

*** 1. В начале сотворил Бог небо и землю.

2. Земля же была пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился *над водою* [*по воде*].

Я сравнил эти три варианта, и у меня создалось четкое впечатление, что из-за неопределенности в латинском тексте я стою перед выбором: либо Дух Божий плыл по течению, как водоросли в Саргассовом море, либо реял над водами, как альбатрос в тропических морях.

Второе для меня казалось более подобающим Богу, и, видимо, протестантские священники, переводчики Библии короля Якова, считали так же. Ни протестанты, ни католики не могли обратиться за ответом к Богу в случае таких неясностей. То же самое — с Хемингуэем. Он умер, не успев дать окончательный вариант предисловия, названия главам, концовку и заглавие своим мемуарам, и, как в случае с матерью старого гаучо в книге Хадсона «Далеко и давно», связаться с ним на предмет выяснения не было никакой возможности.

Что я могу сказать о заглавии? Мэри Хемингуэй взяла его из разговора мужа с Аароном Хотчнером: «Если тебе повезло в молодости жить в Париже, то, где бы ты ни очутился потом, он остается с тобой, потому что Париж — это переходящий праздник».

Когда мой отец получил возможность жениться на моей матери Полине, он согласился перейти в католичество и пройти катехизацию. В детстве, как и положено протестанту, Хемингуэй прошел основа-

тельную религиозную подготовку, но в полевом госпитале на итальянском фронте, в ночь после того, как он был ранен осколком мины, его причащала капеллан-католик — и, подобно знаменитому французскому королю, чью статую отец упоминает в парижских мемуарах, он решил, что Полина стоит обедни.

Мне представляется, что священник — скорее всего из церкви Сен-Сюльпис, куда Полина ходила на службу из своей квартиры неподалеку, — отнесся к своему наставничеству с полной серьезностью. Одним из понятий, которые он, вероятно, обсуждал с отцом, было понятие подвижных или переходящих праздников. Он, наверное, объяснил, что эти важные церковные праздники привязаны к переменной дате Пасхи, и потому их дата тоже меняется. Тогда Хемингуэй мог вспомнить одну из самых знаменитых речей у Шекспира — речь Генриха V перед битвой при Азинкуре в День святого Криспина. День святого Криспина — неподвижный праздник. Каждый год его отмечают в один и тот же день, но если в этот день вы сражались, говорит Генрих, он всегда будет с вами.

Сложность с переходящими праздниками заключается в вычислении календарной даты Пасхи в данном году. Из нее уже просто выводится дата каждого переходящего

праздника. Вербное воскресенье отмечается за семь дней до Пасхи.

Вычисление календарной даты Пасхи — непростая задача. Собрание правил этого вычисления называется пасхалией. Удобный алгоритм вычисления предложил великий математик Карл Фридрих Гаусс. Должно быть, эти двое, наставник и ученик, получили большое удовольствие от подобных глубоких бесед. Интересно, не могли ли поучаствовать в них Джеймс Джойс?

С годами идея переходящего праздника стала для Хемингуэя чем-то очень похожим на то, чего желал своей «горсточке счастливых» король Гарри: чтобы День святого Криспина стал памятью и даже состоянием бытия, частью тебя, которая пребудет с тобой всегда, и, куда бы тебя ни занесло, как бы ни жил ты после этого, ты ее никогда не утратишь. Переживание, впервые зафиксированное во времени и пространстве, или душевное состояние, такое как счастье или любовь, перемещается с тобой или переносится в пространстве и во времени. У Хемингуэя было много подвижных праздников, кроме Парижа; среди них — день высадки в Нормандии на участке «Омаха». Но чтобы иметь такие праздники, нужна память. Когда память ушла и ты осознаешь, что она ушла, можно впасть в отчаяние, а это грех перед Святым Духом. Электрошоковая терапия может уничтожить память, как

уничтожает ее смерть или безумие, но, в отличие от смерти и безумия, ты остаешься с сознанием, что она уничтожена.

Теперь, когда вы подготовлены, я могу привести последние слова, написанные отцом в качестве профессионального литератора, — истинное предисловие к «Празднику»:

«Эта книга содержит материал из *remises** моей памяти и моего сердца. Пусть даже одну повредили, а другого не существует».

Патрик Хемингуэй

*Кладовой, хранилища (*фр.*). — *Здесь и далее примеч. пер.*

Благодарности

Прежде всего я благодарю Патрика Хемингуэя за то, что он предложил мне идею этой книги, возложил на меня эту задачу, и за его благородную помощь. Для меня было редкой привилегией работать непосредственно с рукописями моего деда. Этот проект, над которым я работал несколько лет и в самых разных местах, тоже был в своем роде подвижным праздником. Я глубоко благодарен Майклу Катакису, менеджеру Хемингуэевского фонда по зарубежным авторским правам, и Бранту Рамблу, моему редактору в издательстве «Саймон и Шустер». Хочу выразить признательность за безотказную поддержку Деборе Лефф, бывшему директору Библиотеки имени Джона Ф. Кеннеди в Бостоне, директору Тому Патнему и куратору Хемингуэевского собрания библиотеки Сюзен Ринн. Без их любезной помощи этот проект не мог бы осуществиться. Я благодарен Джеймсу Хиллу из ау-

диовизуального архива Библиотеки Кеннеди за содействие в поиске фотографий.

Знания о деде и его работе, накопленные мною за годы, происходят из многих источников. Что касается этого проекта, особая моя благодарность родителям — Валерии и Грегори Хемингуэй, а также Патрику и Кэрол Хемингуэй, Джеку Хемингуэю и Джорджу Плимптону. Я признателен Джозефу и Патриции Чапски, Лизе Кисел и Дж. Александру Маккиглврею. Работая над проектом, я знакомился с многочисленными учеными трудами и мемуарами о Париже 1920-х годов; некоторые из них упомянуты в моем вступлении. В частности — монографии о Жаклин Тавернье-Курбен и Джерри Бреннера были в высшей степени полезны и останутся фундаментальными источниками для всех последующих исследований. И наконец, хочу поблагодарить мою единомышленницу и душевного друга Колеетт, помогавшую мне во многих отношениях, и Анук, которая появилась под конец проекта и принесла с собой понимание и радость.

Вступление

В ноябре 1956 года администрация отеля «Ритц» в Париже убедила Эрнеста Хемингуэя забрать два маленьких сундука, которые он хранил там с марта 1928 года. В них лежали забытые вещи, оставшиеся от первых лет его пребывания в Париже: машинописные страницы прозы, блокноты с материалами для романа «И восходит солнце», книги, газетные вырезки, старая одежда. Чтобы переправить этот ценный груз домой в Финку на Кубе, Эрнест и его жена Мэри перед плаванием через Атлантику на «Ильде-Франс» купили большой пароходный сундук фирмы «Луи Вюиттон». Я видел этот сундук в нью-йоркской квартире моей крестной матери Мэри и до сих пор помню это элегантное кожаное сооружение с медными углами, броским логотипом «Луи Вюиттона» и тиснеными золотыми инициалами «ЭХ». Сундук был так велик, что я легко поместился бы в нем целиком, и, глядя на него,

я дивился тому, какую великолепную, полную приключений жизнь прожил мой дед.

Вполне возможно, что у Хемингуэя и раньше возникало желание написать о своих первых годах в Париже — например, во время долгого выздоровления после почти фатальных авиакатастроф в Африке в 1954 году, — но толчок работе дает повторное знакомство с этими материалами, «мемориальным посланием» из эпохи, когда он формировался как писатель. Летом 1957 года он начал работу над «Парижскими записками», как он их называл. Он работал над ними на Кубе и в Кетчуме и даже повез в Испанию летом 1959 года, а осенью — в Париж. В ноябре 1959-го Хемингуэй закончил и отдал в «Скрибнерс» черновой вариант, в котором не хватало только введения и последней главы. «Праздник, который всегда с тобой», изданный посмертно в 1964 году, рассказывает о жизни автора в Париже с 1921 по 1926 год. Внимательное изучение рукописей книги «Праздник, который всегда с тобой» показывает, что в ней использовано сравнительно мало раннего рукописного материала. Особняком здесь стоит глава о поэте Чивере Даннинге, которую можно напрямую связать с очень ранним черновиком рассказа, описанного Хемингуэем в письме Эзре Паунду от 15 октября 1924 года. Помимо этого, части главы «Форд Мэдокс Форд и ученик дьявола» подобраны

из материала, исключенного Хемингуэем из романа «И восходит солнце» и заново обнаруженного в блокнотах, которые он нашел в сундуках из «Ритца». «Праздник, который всегда с тобой» — первая и наиболее законченная из книг Эрнеста Хемингуэя, опубликованных посмертно, и Мэри Хемингуэй в своем редакторском предисловии утверждает, что книга была завершена весной 1960 года, когда он произвел очередную правку рукописи в Финке. На самом деле Хемингуэй не считал книгу законченной.

Это новое, особое издание книги «Праздник, который всегда с тобой» — классические мемуары моего деда о его первых годах в Париже — выходит через пятьдесят лет после того, как он закончил черновой вариант книги. Здесь впервые представлен подлинный текст рукописи в том виде, в каком она существовала на момент его смерти в 1961 году. В предыдущие годы Хемингуэй сделал несколько редакций основного текста, однако не написал введение и последнюю главу, такие, какими был бы удовлетворен; не выбрал он и заглавие. Фактически Хемингуэй продолжал работать над книгой еще в апреле 1961 года.

За три года, прошедшие между смертью автора и первой публикацией книги весной 1964-го, Мэри Хемингуэй и редактор «Скрибнерс» Гарри Браг подвергли руко-